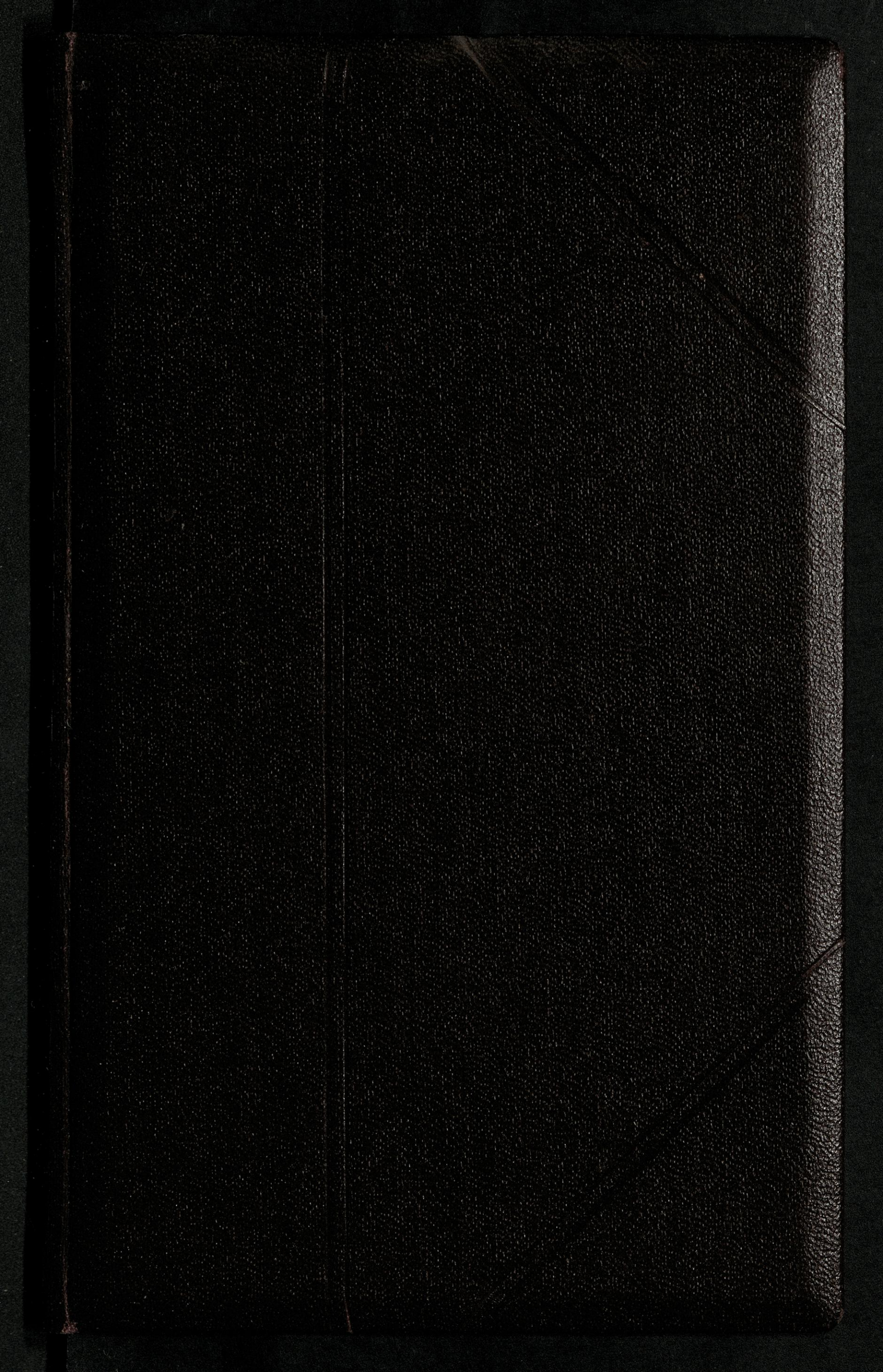
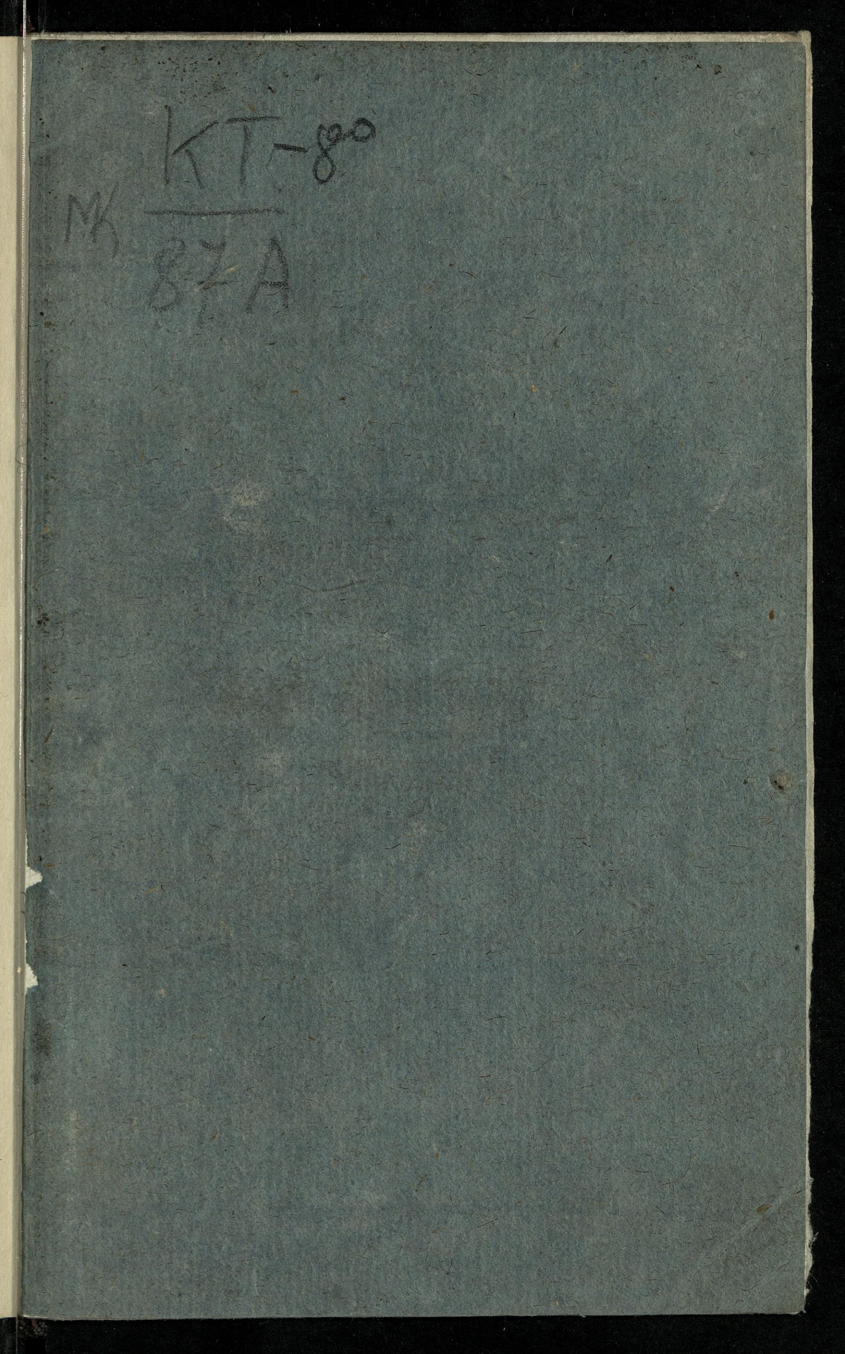

MK
KT-80
87A

МОСКВА.

Ѣ Университетской Типографіи у Н. Новикова,

1787.

[illegible]

2-й экз

[illegible]

ГЕНРИХА КОРНЕЛІЯ АГРИППЫ

РАЗСУЖДЕНІЕ О МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Переводъ съ Латинскаго.

Изданіе второе.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ
№ 1611
КХ

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
1787.

ЕГО

ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

ИЛАРІОНУ,

ЕПИСКОПУ

ПЕРЕЯСЛАВСКОМУ

И

БОРИСПОЛЬСКОМУ.

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО!

Высокомилостивый Архипастырь!

Скоротекущее время всѣхъ вѣковъ и всегдашняя перемѣна во нравахъ людей, живущихъ въ надеждѣ большаго со дня на день просвѣщенія, имѣло и всегда поставляетъ единственнымъ предметомъ то, что бы или опровергать изобрѣтенное уже, и уничтожать испорченное; или изыскивать новые слѣды къ просвѣщенію, и выводить изъ того свои умозаключенія, или возобновлять древностію похищенное, и издавать въ свѣтъ забвенію преданное.

По сему и случается между людьми, что одни издаютъ по своему понятію новыя системы вещей; другіе къ старымъ

истиннамъ присовокупляютъ свои разсужденія; а третіе принаравливаяся ко времяни своего вѣка, стараются изслѣдованную умами многихъ справедливость, какимъ бы то ни было образомъ предать и потомству.

Какъ же разсужденіе о монашеской жизни столь славнаго ученостію своею въ свѣтѣ писателя Агриппы есть такое, котораго въ разсужденіи теперешняго нашего состоянія древность не опорочила, средній вѣкъ ничего къ нему не прибавилъ, а новѣйшія наши времяна, научаясь ежедневными примѣрами гремящихъ своими добро-

добродѣтелями; и славящихся своею жизнію монаховъ за непреоборимую почитаютъ истинну.

Для того я за излишнее почитая похвалять то, что остроумнѣйшимъ своимъ разсужденіемъ Агриппа обстоятельно изслѣдовалъ и доказалъ, почелъ ко мнѣ только относящимся оное всякаго прія тія достойное Агриппы разсужденіе о монашеской жизни перевесть на Россійской языкъ; сіе же особливо для того, что бы незнающіе Латинскаго языка, видя оное на своемъ природномъ, могли употребить въ свою пользу.

Но здѣсь Ваше Преосвященство меня спросите, почему я Вамъ а не другому кому осмѣлился поднесть сей переводъ? Поистиннѣ долженъ признаться, что я Вами болѣе прочихъ тронутъ и одолженъ; ибо Ваше Преосвященство кромѣ живо представленныхъ въ семъ разсужденіи монашескихъ добродѣтелей, кромѣ нищеты, говорю, цѣломудрія и послушанія, имѣете по Епископскому своему сану и вящшія, а наипаче Вами оказываемую изъ единственнаго своего человѣколюбія многимъ милость и благодѣяніе; чемъ очевиднымъ доказательствомъ могу служить

жить я и подъ покровительствомъ Вашимъ находящіеся мои братья.

Сіи столь изящнѣйшія въ родѣ человѣческомъ добродѣтели кого не удивятъ и не обяжутъ, а паче столь много Вашимъ Преосвященствомъ облагодѣтельствованнаго, и долгъ имѣющаго изъявить Вамъ свою чувствительнѣйшую признательность. Но чѣмъ же могу я оную доказать и на самомъ дѣлѣ свидѣтельствовать? Какъ не приписаніемъ имени Вашего Преосвященства всѣхъ добродѣтелей и преимуществъ, въ семъ славнаго Агриппы разсужденіи находящихся.

Пріимите Ваше Преосвященство! сіе мое приношеніе въ знакъ той моей чувствительнѣйшей благодарности и Вашихъ Архипастырскихъ добродѣтелей высокопочитанія, съ которыми я вѣчно пребуду.

Высокомилостивый Архипастырь!

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Нижайшимъ слугою
Л. М.

Генриха Корнелія Агриппы

Разсужденіе о Монашеской жизни

Мнѣ не безъизвѣстно (почтеннѣйшіе жизнію, нравами и ученостію прославившіеся отцы) сколь трудно говорить, и торжественно разсуждать предъ вами о божественныхъ вещахъ, особливожъ, что къ сему дѣлу приступать должно съ согласія всѣхъ васъ краснорѣчивѣйшему, въ наукахъ искуснѣйшему и такому человѣку, которой бы въ помощь приводить Автцоровъ, (для свидѣтельства необходимо нужныхъ) всегда былъ въ состояніи; ибо по справедливому нѣкоторыхъ мнѣнію безъ краснорѣчія и самыя таинства теряютъ свою важность, а безъ преданія предковъ догадки собственнаго

наго нашего ума не только бываютъ ложныя, но еще не рѣдко и великую наносятъ опасность. И такъ я чувствуя себя недостаточнымъ къ сему предпріятію сказавъ съ Пророкомъ Іереміемъ: „Отрокъ есмь, и не вѣмъ глаголати. „Грѣшникъ есмь, и не дерзаю прорещи „законъ Божій устнама моима„. Охотно бы желалъ препоручить сіе званіе другому, который бы, преисполненъ будучи Исаіевымъ духомъ, предсталъ къ оному съ сими словами: „Се азъ есмь, послите мя„; однако, какъ ваше могущество и ваше повелѣніе, возложившее на меня сію должность, недовѣдомою мнѣ Серафимскою силою отверзло мои уста и прогнало мой страхъ, а повиновеніе возвратило мнѣ ту смѣлость, которую слабость силъ моихъ у меня было отняла: то я оными будучи ободренъ съ помощіею Божіею и приложу стараніе, что бы сіе мое разсужденіе не показалось предпринятымъ мною или совсемъ безъ причины, или безъ пользы. Все же сіе я такъ исполнить долженъ, особливо когда вы по своему снисходительству дозволили мнѣ торжественно о семъ разглагольствовать, что прежде, нежели я приступлю къ оному, во первыхъ покажу

вамъ

вамъ о чемъ, и по какой причинѣ я о томъ говорить буду.

Я намѣренъ вамъ теперь предложить ,,о дѣятельной и умозрительной жизни,,. Ибо когда монашеская жизнь есть не иное что, какъ безпрестанное покаяніе, и поученіе въ законѣ Господни день и нощь: то я и почелъ за полезнѣйшее всего разсуждать объ оныхъ; которыя добродѣтели сколько мы хранить обязаны, столько напротивъ того многіе изъ насъ ихъ совсемъ не знаютъ. Притомъ и сего я думаю пропускать не должно, что у древнихъ за правило принято было, что бы при начинаніи каждаго дѣла молиться, особливожъ при отправленіи священныхъ и божественныхъ дѣлъ. сіе исполнять повелѣваетъ въ книгѣ своей ,,о именахъ Божіихъ,, Діонисій Ареопагита. Какъ же мы здѣсь говорить будемъ о таинствахъ священной монашеской жизни, для того сперва приклонивъ колѣна, припадемъ къ Господу, и въ единомысліи призовемъ Его съ сею молитвою: ,,Сниди Душе Святый на насъ ,,вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, вселися въ ,,сердца наши, и свѣтомъ любви Твоея ,,озари я, иже разными глаголы собралъ ,,еси языки въ единомысліи вѣры.

И во перьвыхъ приступая къ нашему предпріятію, т. е. говорить „ о дѣятельной „ и умозрительной жизни„„ дабы не подумали вы, что я сіе хочу начинать съ человѣческихъ изобрѣтеній и премудрости сего міра, и основываться на непостоянныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ: то я съ самаго источника жизни, который есть истинной нашъ животъ и свѣтъ всѣхъ людей, съ самаго, говорю, распятаго Назарянина Іисуса Христа положу начало моему разсужденію. Ибо когда мы вѣдаемъ, что между ученіями смертныхъ нѣтъ ни одного, которое бы не подвержено было погрѣшности, такъ какъ ученіе Христово есть всесовершенно, незыблемо, справедливо и неложно; того ради пусть будутъ предложеніемъ и моего разсужденія сіи Евангельскія слова: „ Вниде Іисусъ въ весь нѣ„ кую: жена же нѣкая именемъ Марѳа „ пріятъ его въ домъ свой, и сестра ей „ бѣ нарицаемая Марія, яже сѣдши при „ ногу Іисусову, слышаше слово его. „ Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ, „ ставши же рече: Господи! не брежеше ли, „ яко сестра моя едину мя остави слу„ жити; рцы убо ей, да ми поможетъ: „ отвѣщавъ же Іисусъ рече ей, Марѳо! „ Марѳо! печешися и молвиши о мнозѣ;

„ едино

„ едино же есть на потребу, Марія же „ благую часть избра, яже не отъимется „ ся отъ нея „. Въ семъ святомъ Евангельскомъ изреченіи предлагается намъ четвероякая жизнь людей; что тѣмъ удобнѣе будетъ доказано, чѣмъ первѣе всего я вамъ представлю, что сія весь знаменуетъ міръ, а домъ значитъ церковь. И потому жизнь, которую люди провождаютъ въ веси, но внѣ дому, по справедливости назвать можно мірскою, жизнію не вѣрныхъ, и такою, которая чрезъ покореніе плотскимъ, земнымъ и мірскимъ страстямъ готовитъ для себя погибель, не пріемлетъ и не признаетъ Христа по слову Іоанна Евангелиста: „ Въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, и міръ „ его не позна, во своя пріиде, и свои его не пріяша „. (*) И такъ кто желаетъ жить со Христомъ, тотъ пусть не обитаетъ въ веси, но да идетъ по слѣдамъ Христовымъ въ домъ Марѳы. Ибо живущій въ веси не живетъ со Христомъ; но о сей жизни больше говорить не дозволяетъ намъ теперешнее наше предпріятіе. И для того оставя весь, приступимъ къ самому дому. Домъ, какъ я выше сего сказалъ,

(*) Іоан. гл. 1. ст. 10.

залѣ, означаетѣ церковь, вѣ которой обитаютѣ только вѣрующіе во Іисуса Христа, т. е. Маροа и Марія, показывающія намѣ опять двоякую жизнь. Маροа представляетѣ намѣ дѣятельную жизнь, т. е. жизнь покаянія и очищенія, которая очищая чрезѣ покаяніе душу свою, дѣлаетѣ изѣ нея достойную Іисуса Христа гостинницу, и прежде всѣхѣ пріемлетѣ Іисуса Христа. Марія же представляетѣ умозрительную жизнь, жизнь ученія, которая очистивѣ свою душу чрезѣ слышаніе и пріятіе слова Божія, преселяется во свѣтѣ божественныя премудрости. Сію то жизнь самѣ Христосѣ воспріялѣ, ей училѣ, ее озарилѣ своимѣ свѣтомѣ и оставилѣ навсегда при себѣ. Того ради разсмотримѣ мы теперь природу дѣятельной и умозрительной жизни изѣ словѣ того же Евангелія. Дѣятельная жизнь пріемлетѣ Христа, а умозрительную онѣ самѣ пріялѣ. Дѣятельная должна еще удовлетворять за грѣхи; поелику мы всѣ должники покаянія и грѣшники, безпрестанно молящіеся: „ остави намѣ долги наша „. Напротивѣ того умозрительная жизнь, есть жизнь свободы; поелику не только свободно избираетѣ всякое благо, и не страждетѣ подѣ игомѣ покаянія о своихѣ содѣланныхѣ

без-

беззаконіяхъ, но еще по любви къ Творцу своему всечастно помышляетъ о будущемъ наилучшемъ своемъ поведеніи, говоря изъ свободной любви: „я избрала „истинную жизнь„. Ибо гдѣ находится любовь божественнаго духа, тамъ и свобода въ избраніи заповѣдей Божіихъ, нѣтъ тамъ ни страха наказаній, ни самаго наказанія; но все производимо бываетъ по волѣ. По сему дѣятельная жизнь, есть жизнь рабская, пребывающая во всегдашнемъ исполненіи заповѣдей, принужденная къ умерщвленію своей плоти, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: „наказующая тѣло свое и порабощающая„. А умозрительная жизнь, есть жизнь сыновняя, по словамъ того же Апостола: „не пріясте духа работы „паки въ боязнь: но пріясте духа сыно„положенія„. Умозрительная жизнь всегда пребываетъ въ тишинѣ, наслаждается спокойствіемъ, сидитъ у ногъ Господнихъ вмѣстѣ съ прочими Апостолами и учениками, слушаетъ слово Божіе и подкрѣпляема бываетъ его покровительствомъ. Но дѣятельная жизнь есть непостоянна, возмутительна и колеблющаяся; потому что она не имѣетъ ни отъ кого никакой помощи.

Дѣятельная жизнь опять раздѣляется, и есть обуреваема либо мірскими суетами, либо страстьми и похотѣніями; напротивъ того умозрительная жизнь, по распятіи плоти, по укрощеніи страстей и побѣжденіи искушеній и діявола покоится въ душевной тишинѣ, непоколебима и одна въ единственной любви ко Іисусу Христу; притомъ же она есть такъ нужна, что безъ умозрительной дѣятельная жизнь вовся не можетъ спасти. Ибо ежели кающійся не разсуждаетъ о изящности самой Христіанской истинны, когда восхищается ея любовію; или ежели она не съ тѣмъ намѣреніемъ ненавидитъ беззаконій, что бы за оныя принесть покаяніе: то всуе кается, и никогда въ томъ не успѣетъ. Я говорю здѣсь о Христіанской истиннѣ, которая происходитъ отъ вѣрованія во Іисуса Христа, а не о истиннѣ человѣческой, которая какая бы она ни была, всегда подвержена сумнѣнію, кромѣ того что умозрительная жизнь есть самая лучшая и некрадомая, поелику и познаніе Бога и любовь съ нею продолжаться будутъ во вѣки; когда напротивъ того дѣятельная жизнь занимается меньшимъ, маловремяннѣйшимъ и оканчивающимся съ

самою

самою смертію благомъ, и послѣ оной покаянія имѣть не можетъ.

И такъ П. О. вы теперь слышали отъ меня подъ видомъ нѣкотораго противорѣчія Евангельское сравненіе жизни дѣятельной и умозрительной, которыя хотя по взаимному между собою несходству и противными быть кажутся: однако сходствуютъ и въ одну жизнь соединяются во Іисусѣ Христѣ, на подобіе двухъ оныхъ Моисеевыхъ Херувимовъ, которые, хотя одинъ на другаго съ противной стороны смотрятъ, однако и съ отвращенными лицами согласны въ умилостивленіи Бога. И такъ отсюда происходитъ четвертой родъ жизни, (понеже мы назвали первую жизнь грѣховную, а другія двѣ дѣятельною и умозрительною,) жизнь, говорю, совершенная, жизнь примѣрная, жизнь Іисуса Христа, заключающая въ себѣ обѣ вышепомянутыя, жизнь въ смерти, смерть въ жизни, дѣйствіе въ умозрѣніи, умозрѣніе въ дѣйствіи; трудящаяся въ покоѣ, безпокоющаяся въ спокойствіи, спокойная въ безпокойствіи, многоразличная и одна, касающаяся до одного и многаго, до большаго и меньшаго блага, изчезающая въ разсужденіи труда, но пребывающая

и вѣчная въ разсужденіи умозрѣнія; и столь безопасная, что какой бы она ни коснулась тьмы, никакъ не помрачается, но всегда пребываетъ непорочною. По сему она не оскверняется между грѣшными: но омываетъ свои грѣхи между прокаженными, и никакъ язвою не заражается; очищаетъ проказу, и никакою силою не преломляется; наступаетъ на змѣи и скорпіи и на всю силу вражію, и ничто ей вредить не можетъ; такая жизнь прилична особливо намъ монахамъ, умершимъ міру, святою вѣрою посвятившимъ себя Іисусу Христу, и торжественно обѣщавшимся ему строжайше послѣдовать. Монахамъ, говорю, прилично всегдашнимъ покаяніемъ, чтеніемъ, размышленіемъ, поученіемъ и разсматриваніемъ дѣлъ Божіихъ, чистымъ сердцемъ, горячайшею любовію и точнѣйшимъ подражаніемъ съ нимъ соединившись и совокупившись, удѣлять нѣсколько времяни отъ размышленія о Божіемъ существѣ, чтобы вести жизнь совершенно примѣрную, производящую всегдашній плодъ вѣры и истинны входящихъ во тьмѣ невѣденія, и служить имъ примѣромъ въ подражаніи Іисусу Христу. Вотъ истинная монашеская жизнь, по примѣру которой издревле

древле въ ветхомъ завѣтѣ и до временъ Давида, по смерти жреца Илія Самуилъ Пророкъ завелъ общество, совсемъ отличное состоянiемъ отъ прочаго народа, какъ о томъ видѣть можно въ царствахъ и у Iосифа первѣйшаго изъ историковъ и древностей писателя. Подобно сему учинилъ и Елисей Пророкъ послѣ взятiя на небо Илiи: то есть, согласивъ съ собою многихъ сыновей Пророческихъ, и сдѣлавъ имъ на подобiе оставленной ему отъ Илiи милоти, священную одежду, на горѣ Кармильской, велъ монашескую жизнь съ великою вяпостiю; по немъ многiе святые Пророки ее провождали до временъ Iоанна Крестителя, который такъ же присоединилъ къ себѣ учениковъ своихъ симъ же священнымъ союзомъ. Хотя то впрочемъ сiя ихъ вѣра небыла еще истинная, ниже совершенная, но только истинной и совершенной вѣры тѣнь, и нѣкоторое спасительное прообразованiе въ разсужденiи имѣвшаго тогда прiити Iисуса Христа, которой самъ будучи Господь Богъ, начальникъ истинной вѣры, призвалъ по монашескому обряду въ Апостолы и ученики непорочнѣйшихъ, бѣднѣйшихъ и послушливѣйшихъ; и они сами имѣя у себя все общимъ, по сошествiи Святаго

 Духа

Духа учредили многія монашескія обители, что можно видѣть въ дѣяніяхъ Апостольскихъ; а въ церьковной Исторіи упоминается о Маркѣ Евангелистѣ, что и онъ благоговѣйнѣйшихъ своихъ учениковъ, въ Александріи находившихся соединилъ между собою симъ же монашескимъ союзомъ. Съ начала произошла истинная жизнь обоего пола монаховъ, затворниковъ, пустынниковъ, отщельцовъ и другихъ премногихъ благочестивыхъ людей, которые не будучи подвластны никакимъ особеннымъ узаконеніямъ, соединясь между собою какими нибудь обѣтами, по своей волѣ удалились отъ сего міра, и пребыли въ единомысліи не для чего инаго, какъ только для единодушнаго послѣдованія Іисусу Христу. Потомъ, когда спустя нѣсколько времяни невинная оная простота и благоговѣйное подражаніе Іисусу Христу перемѣнилось, и монахи начали уже поступать по обыкновенію свѣтскихъ: то опять нѣкоторые изъ нихъ бл. отцы, какъ то Венедиктъ, Бернардъ, Августинъ, Василій Великій и многіе другіе, почитавшіе за нужное возстановленіе истинной монашеской жизни, оную поправили, и другія оставили премногія спасительныя узаконенія, которыя касались до нравовъ

и

и обращенія, жизни и одѣянія, пищи и поста, отдохновенія и труда, молитвы и чтенія, молчаливости и рѣчи, общежительства и уединенія и тому подобныхъ, какъ кому заблагоразсудилось по мѣрѣ ихъ просвѣщенія съ тѣмъ единственно, дабы возстановить какъ дѣятельную, такъ и умозрительную жизнь. Наконецъ были изъ св. отцевъ и такіе, которые желая обязать своихъ монаховъ къ наблюденію сихъ своихъ установленій Папскою присягою и торжественною клятвою, приводили въ доказательство узаконенія; отъ чего произошло въ Римской церквѣ двадцать четыре секты монаховъ, которые хотя обыкновеніями, обрядами, учрежденіями и установленіями различествовали между собою: однако что касается до древняго онаго Апостольскаго заведенія, всѣ были единодушно согласны, а особливо въ трехъ вещахъ: „ нищетѣ, цѣломудріи и послу„ шаніи „ безъ которыхъ никто не можетъ быть истиннымъ монахомъ; поелику они такъ тѣсно и естественно съ вѣрою сопряжены, что ни сами вѣроначальники, или (какъ говорятъ) ни самые Патріархи не могутъ ихъ отъ оныхъ отдалить безъ нарушенія и уни-

чтоженія самаго существа монашества. И такъ кто хочетъ быть монахомъ, тому необходимо должно клясться и присягать во всегдашнемъ оныхъ добродѣтелей наблюденіи; понеже на сихъ трехъ началахъ основывается предметъ, существенность и конецъ всей монашеской жизни; и оныя добродѣтели такъ заключаютъ въ себѣ дѣятельную, покаянную, умозрительную, самую совершенную и примѣрную жизни, и ихъ сохраняютъ, что безъ сихъ трехъ принадлежностей, „ безъ нищеты „ говорю, „ цѣломудрія и послушанія „ ни къ которой изъ вышеписанныхъ приступать не можно; ибо чрезъ нищету монахъ отъ всего удаляется, для всѣхъ умираетъ, отъ всего отрицается, все презираетъ, и самаго себя, истинно кается и достигаетъ истиннаго грѣховъ попранія, надѣясь на одно токмо милосердіе и благодать Христову, получаетъ отпущеніе грѣховъ, и вѣнчается отъ оправдающаго правосудія за его терпѣніе и надежду на милосердіе Господне несумнительнымъ упованіемъ на Іисуса Христа, котораго безъ нищеты сыскать никто не можетъ, по оному Еклесіаста слову: „ многихъ погуби злато и сребро, „ и любящій оныя не спасется; горе „ тѣмъ, иже гонятся за онымъ.

Мо-

Монахъ также долженъ сохранять цѣломудріе, которое сколько есть неудобонаблюдаемо, столько напротивъ того очень для него нужно; потому что безъ него всѣ дѣла несовершенны, и какъ Іеронимъ пишетъ 33 вопр. 5. гл. оно сохраняетъ любовь, и заставляетъ человѣка презирать свое поврежденное естество; а въ покаяніи такъ терпѣливо и непоколебимо, что лучше снесетъ всѣ бѣдствія, нежели согласится на какое нибудь зло, то признаетъ Августинъ 32 вопр. 5 гл.

Монахъ наконецъ долженъ быть послушливымъ; ибо послушаніе есть всему начало, и безъ него никакое добро быть не можетъ; оно заслуживаетъ воздаяніе за вѣру, и безъ онаго всѣ правовѣрные невѣрными почитаются, какъ упоминаетъ Григорій 8 вопр. ибо нищета сопряжена съ надеждою, цѣломудріе съ любовію, а послушаніе съ вѣрою. Слѣдовательно блаженна времянная нищета въ надеждѣ вѣчности, поелику ея богатство есть царство небесное; а послушаніе блаженно по вѣрѣ во Іисуса Христа, поелику всѣ его дѣла суть добрыя. Сіе сказано только о дѣятельной жизни; что же сіи три добродѣтели нужны также и въ умозрительной жизни, сіе докажу я въ слѣдующемъ.

И вопервыхъ, когда нищета есть побѣдительница всего міра, когда она духъ нашъ предохраняетъ отъ великаго множества различныхъ покоштѣній и страстей, освобождаетъ наконецъ отъ всякаго житейскаго попеченія, и дѣлаетъ насъ ни къ чему непривязанными, ничего не ищущими, ничего не желающими, ничего не чающими, кромѣ опредѣленнаго провидѣніемъ Божіимъ: то нѣтъ сумнѣнія, что она великую силу и важность имѣетъ въ умозрительствѣ; поелику душа наша духовною нищетою отъ всего противнаго и вреднаго очищенная, участницею бываетъ божественныхъ вдохновеній, получаетъ Божію премудрость и духъ пророчества. Что же касается до цѣломудрія, оно умертвивши плоть и преодолѣвши слабость человѣческаго естества, благоговѣйно почитаетъ Бога, и возлюбивши превосходнѣйшею тѣла своего частію, то есть, разумною душею, высочайшее существо, дѣлаетъ ее храмомъ всегдашняго Божія присутствія, и другихъ духовъ, въ ней всегда во всякомъ благополучіи и премудрости участвующихъ. Послушаніе же напротивъ того, какъ оно со всѣмъ своимъ почитаніемъ и преданностію много способствуетъ разсужденію

о Богѣ, заставивъ душу нашу болѣе вѣрить, нежели полагаться на чувства, прогоняетъ діявола и открываетъ намъ все то, чево мы прежде не понимали.

И такъ желающіе достигнуть монашескаго совершенства въ дѣятельной и умозрительной жизни, оградившись твердою вѣрою, несомнѣнною надеждою и горячайшею любовію должны быть послушными, цѣломудренными, любить нищету, и такъ побѣдить діявола, міръ и плоть, что бы всегда исполнять монашескіе уставы, презирать всѣ мірскія суеты, и ни въ какія плотскія страсти и искушенія не вдаваться. Ибо сіи однѣ только добродѣтели могутъ сдѣлать истиннымъ монахомъ; слѣдственно оныя всякому монаху наблюдать непремѣнно должно. Ежели же кто изъ монаховъ ихъ не исполняетъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ погибнетъ, какъ измѣнившій Христу и церкви, какъ преступившій монашескій обѣтъ, какъ несоотвѣтствующій своему имени и одѣянію, которое онъ самъ на себя принялъ; и пусть вѣдаетъ, что онъ не только не можетъ называться монахомъ, но еще вѣчной подлежитъ казни и есть рабъ матеріи.

Вотъ почт. от. что я могъ кратчайшимъ образомъ вамъ представить изъ Евангельской истины о дѣятельной и умозрительной жизни. Сверьхъ того также я упомянулъ, какимъ образомъ изъ соединенія обоихъ сихъ родовъ жизни произошла наша монашеская, въ которой будучи многіе святые отцы, многіе оставили намъ уставы, отчасти для уединенія, отчастижъ для возстановленія оныя, нужные, спасительные и такіе, которые относятся къ тремъ существеннымъ правиламъ монашеской жизни, чрезъ которыя каждая и дѣятельная и умозрительная жизнь, поправъ плоть, міръ и діявола, взаимно между собою соединяются въ нѣкоторую совершенную жизнь, „ монашескою „ называемую; однако не думайте, что бы я могъ вамъ объяснить всѣ ихъ преданія и ученія, поелику сіе мое разсужденіе не къ тому клонилось, что бы мнѣ васъ, которые сіе гораздо лучше и обстоятельнѣе меня знаете, и на самомъ дѣлѣ безъ упущенія исполняете, для моего единственно тщеславія наставлять; но я хотѣлъ только вкратцѣ и по поверхности напомянуть, что бы вы изъ сего въ не многихъ словахъ состоящаго разсужденія по своему благоразумію

могли выводить другія важнѣйшія слѣдствія. И такъ наконецъ, ежели все сіе, что я ни говорилъ, справедливо и всѣмъ нравится: то я сію похвалу не мнѣ, но вамъ приписываю; ибо вы мнѣ о семъ предметѣ разсуждать, и притомъ справедливо говорить дозволили; слѣдственно мнѣ и вамъ должно принесть благодареніе Всемогущему Богу, какъ Источнику всѣхъ благъ. Или ежели я по слабости человѣческой несовершенно доказалъ, и не краснорѣчиво истолковалъ вышесказанное, то и въ семъ случаѣ вы равномѣрно со мною должны молить Всесильнаго Бога, чтобъ Онъ для изъясненія столь высокихъ вещей, требующихъ высочайшаго понятія, даровалъ намъ мною доказанную „ жизнь, познаніе и краснорѣчіе.

могли в [illegible] ѣд-
ствія, [illegible] іе,
что я [illegible] мъ
нравит [illegible] но
вамъ п [illegible] мъ
предмет [illegible] ра-
ведливо [illegible] нно
мнѣ и [illegible] пре-
ніе Во [illegible] ику
всѣхъ [illegible] сти
человѣ [illegible] не
красно [illegible] ное,
то и [illegible] со
мною [illegible] ога,
чтобъ [illegible] ысо-
кихъ [illegible] шаго
понят [illegible] зан-
ную ,, [illegible] .

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31805-0
КП-27063

Инв. 3447

